

ЧЕТВЕРТЫЕ ЛОТМАНОВСКИЕ ДНИ В ТАЛЛИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ТАЛЛИНН, 8–10 ИЮНЯ 2012 Г.)

Ежегодные, ставшие уже традиционными, Лотмановские дни в Таллинском университете посвящены развитию научных идей Ю.М. Лотмана. Проблематику очередной конференции задала известная статья ученого «К проблеме работы с недостоверными источниками» (1978). Присутствовать на открытии и участвовать в первом дне работы конференции не пришлось, поскольку в Вильнюсском университете еще продолжались защиты выпускных работ. В последующие два дня доклады читались и в общих заседаниях, и в трех параллельных секциях; отчет, естественно, включает впечатления от небольшой части обширной программы конференции, собравшей около семи десятков участников из дюжины стран.

Рейн Рауд (Таллинн), охарактеризовав *Гэндзи-могатари* как сложнейший психологический роман и произведение, сопоставимое с романами Джойса и Пруста, остановился на эпизоде, в котором обнаруживается едва ли не первая в мировой литературе дискуссия о литературном вымысле. Выявленные в этой дискуссии три позиции оказываются аналогичными трем позициям махаянской теории трехслойной истины. Они соотносимы с практикой упайи, согласно которой в высших целях це-

лесообразно, с одной стороны, помня о пустотности реальности и иллюзорности видимости, с другой, – по необходимости пребывая в мире видимости, совмещать обе позиции в некой срединной правде.

Михаил Лотман (Таллинн – Тарту) в докладе, озаглавленном цитатой из песни В. Высоцкого («У тети Зины кофточка / С драконами да змеями <...>») «Кофточка тети Зины: К семиотике факта», рядом примеров доказывал тезисы о том, что важнейший итог лотмановской школы состоит в пересмотре самого понятия факта: в определенном смысле все источники являются недостоверными и нуждаются в семиотической дешифровке. Первым среди приведенных примеров была известная история с книгой *7 великих соборов России и еще 75 храмов, которые нужно знать* (2011), в которой, вслед за вандальной анонимной правкой статьи в Википедии о крещении Руси, утверждалось, что крещение произошло «по решению князя Шевелева Павла Викторовича», деятеля ЛДПР. Когда ошибка была обнаружена, издательство «ЭКСМО» попыталось исправить его вклейкой с извинениями перед читателями, при этом князь Владимир был назван его былинным именем – Владимиром Красное Солнышко.

Вторым примером стал сюжет убийства Бориса и Глеба, в традиционных изложениях которого остается непонятным, зачем, собственно, Святополку надо было их убивать. Прояснению реальных обстоятельств помогает сопоставление версии *Повести временных лет* и древнеисландской *Пряди об Эймунде Хрингссоне*. Наконец, в «кофточке тети Зины» отразился распространенный сюжет трофейного нижнего белья; известны рассказы, согласно которым жены советских офицеров являлись, например, в театр в ночных рубашках.

Вадим Парсамов (Москва) в докладе «Что и как говорят источники о народной войне в России 1812 года?» рассмотрел степень основательности и этапы формирования распространенного в массовом сознании и научной литературе мнения о сословном единении и народном характере войны с Наполеоном. Идеологема народной войны опиралась не на осмысление реальности, а конструировалась в процессе конкуренции двух разрядов представлений: согласно одному, русские вели войну за сохранение своего привычного уклада и имущества, в соответствии с другим, русские воевали за свободу против тирании и уподоблялись римлянам, воюющим с карфагенянами. В докладе «“Я жил только в Париже”»: Проблема достоверности в следственных показаниях Сергея Трубецкого» Анастасия Готовцева (Москва) на примере детальной и хорошо документированной реконструкции пребывания Трубецкого с секретной миссией в Англии (вопреки его же показаниям, в которых пребывание за границей отрицалось) доказывала

тезис о том, что история декабризма не может основываться только на материалах следственного дела.

Доклад Татьяны Кузовкиной (Таллинн) «О достоверности “Настоящего Выжигина”» был посвящен полемике А.С. Пушкина и Ф.В. Булгарина, последним словом в которой стала статья Феофилакта Косичкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» и приложенная к ней программа «историко-сатирического романа» с названием, вынесенным в тему доклада. Исследовательница проследила ход полемики и обмен ударами, учитывающими, между прочим, цензурные запреты на личные выпады, и восполнила некоторые лакуны в существующих комментариях программы «Настоящего Выжигина». В «Заметках о происхождении псевдонима Сенковского “барон Брамбеус”» Арно Нико (Лозанна) очертил своего рода генеалогическое древо новой ипостаси лубочного героя. Источником псевдонима стали не только *Сказка о Францыле Венециане* (по свидетельствам А.А. Сенковской и П.С. Савельева), но и народная пьеса *Царь Максимилиан*, где фигурирует рыцарь Брамбеус. С другой стороны, псевдоним соединил элементы имен громогласного фанфарона вроде Брамарбаса, Брамарбара и т.п., хорошо известного европейскому читателю и театральному зрителю, и самоуверенного педанта вроде Тресотиниуса и проч., а также титул одного из типажных воплощений Брамарбаса – Мюнхгаузена. Таким образом, литературная маска Сенковского своим именем сочетала высокое и низкое, ориентируясь на неискущенного читателя лубочной

литературы и, одновременно, на аудиторию начитанную.

Проблематика конференции охватывала также ситуации «текстологической неопределенности» при установлении дефинитивного текста невербальных искусств. В богато иллюстрированном репродукциями докладе «Авторские мистификации в живописи авангарда и проблема интерпретации: случай К. Малевича» Натальи Злыдневой (Москва) были объяснены фальсификации художником датировок своих картин. Написанные в 1929–1930 гг. датировались 1912–1913 гг. отнюдь не из примитивного стремления закрепить первенство, но вследствие глубинной связи с авангардным пониманием времени и автоматическим описанием собственной биографии. Кольцевая рамка биографии сближает начало и конец, представляет новое как возврат к прежнему с неким приращением; старое свое пребывает с собой же новым в состоянии автокоммуникации. Татьяна Царькова (Санкт-Петербург) озаглавила свой доклад строчкой из стихотворения современного автора, публикующего произведения в интернете под ником Афродита, – «“К черту тапочки и пачки!..”»: Может ли считаться источником первая публикация портрета Айседоры Дункан работы Л.С. Бакста?». Дело в том, что в фонде Константина Льдова (В.-К.Н. Розенблюма) в Пушкинском Доме сохранились оттиски того же изображения 1907 г., которое было опубликовано газетой *Биржевые ведомости* в конце 1912 г. с некоторой, так сказать, графической редактурой. Ян Левченко (Москва) в докладе «Между заказом и рынком: Двуслойность со-

ветского “историко-революционного” фильма» говорил о медленном, постепенном процессе перемещения жанровой схемы вестерна в советские фильмы, посвященные революции и гражданской войне (этапами этого процесса были названы *Огненные версты* [1957], *Неуловимые мстители* [1966], *Корона Российской империи* [1970]).

Материалом доклада Андрея Добрицына (Лозанна) «Иноязычные источники: Изменение смысла и неопределенность происхождения» служили стихотворные тексты А.П. Сумарокова, И.А. Крылова, Н.Ф. Остолопова, К.Н. Батюшкова, а также П.А. Вяземского и их установленные или предполагаемые немецкие, французские и итальянские источники. Эвелина Пилярчик (Краков) в докладе «Парадоксы (не) достоверности вторичного текста. На примере польских вариантов дискурса П. Флоренского» показала трудности адекватной передачи на польском языке терминологии, укорененной в православной богословской и литургической традиции. Эти трудности влекут за собой неточности в переводах трудов русского мыслителя и ученого, а это создает предпосылки для конструирования неверных представлений о концепциях Флоренского. Павел Лавринец (Вильнюс) в докладе «Превращение *верховьев Днепра* в *низовья Немана*» комментировал распространявшиеся в периодике конца 1920-х – 1930-х гг. сведения о том, что Е.Л. Шкляр еще в 1912 или 1913 г. в екатеринославской или киевской газете опубликовал стихотворение на литовскую тему «С низовьев Немана». В действительности, обнаруженное в киевской

газете *Южная копейка* стихотворение «В верховьях Днепра» никакого отношения к Литве не имеет.

В докладе «О недостоверности некоторых архивных документов по истории Русского военного зарубежья в Эстонии 1920–1930-х годов» Роман Абисогомян (Таллинн) на конкретных примерах (в частности, из книги Т.К. Гладкова об одном из руководителей ВЧК *Награда за верность – казнь*) показал, насколько осторожно следует подходить к материалам советской разведки, насыщенным мистификациями эмигрантской контрразведки. В докладе «Функции архивалий в работах Ю.М. Лотмана» Татьяна Шор (Тарту) охарактеризовала направления архивных поисков ученого, отметив особенности подходов к документу как к объекту исследования, в отличие от вспомогательного его использования. Доклад «Ложь и правда в биографиях и анкетах ректора ТГУ Ф.Д. Клемента» Галины Пономаревой (Таллинн) представил анализ автобиографической книги ректора Тартуского университета в 1951–1970 гг. *Templid teaduse teedel* (1983), официальных анкет и других материалов из четырех архивов. Исследование показало, как по условиям советского режима Клементом искажались биографии отца, братьев (оказавшихся в эмиграции), других родственников. Доклад украсило изложение яркой фактуры, скрывающейся за скупыми строками документов о выговорах, объявлявшихся ректору. Например, один из них последовал после того, как в 1962 г. на службу в Советскую Армию стали призывать студентов, и тартуские студенты в общежитии

устроили попойку, а на утро прошли по улицам города с лозунгами и плакатами «Куба – нет, янки – да», «Да здравствует Бундесвер!» и проч.

Вероятно, самый подходящий к теме Четвертых Лотмановских чтений исследовательский материал – мемуарные и (авто)биографические тексты, что и подтвердил ряд докладов. В названии одного из них цитировалось известное предупреждение читателям Анны Ахматовой: «20% мемуаров так или иначе фальшивки». В этом докладе Ирина Ерохина (Тула) сосредоточилась на отражении ареста О. Мандельштама (1934 г.) в ахматовских «Листках из дневника» и воспоминаниях Надежды Мандельштам и Эммы Герштейн, а также на неприемлемых для Герштейн умолчаниях Ахматовой и высказывании Льва Гумилева о том, что показания поэта о нем и о его матери были безупречны. Анна Сергеева-Клягис (Москва) выступила на тему «Как оскандалилась Тэффи: Комментарий к мемуарам», отталкиваясь от одного эпизода из книги *На берегах Сены* Ирины Одоевцевой, в котором говорится о застольной мистификации Георгия Иванова (приписавшего сочиненную экспромтом строфу Б. Пастернаку) и упоминается ответ Тэффи в *Иллюстрированной России* на статью Марины Цветаевой «Световой ливень» (им-то Тэффи и «оскандалилась, села в калошу», по словам Одоевцевой). Удовлетворительному прояснению этого эпизода служит восстановление истории (не) знакомства Тэффи с поэзией Пастернака, реакция критики на выход в том же 1929 г. *Избранных стихов* Бунина и реконструкция литературных симпатий

писательницы, которая своим противопоставлением Пастернака Бунину в известной степени воспроизводила отношение самого Бунина к Пастернаку, ассоциировавшемуся в сознании автора избранных стихов с Маяковским и большевиками.

Павел Успенский (Тарту) объяснил неточности в мемуарной книге *Полуголазый стрелец* Бенедикта Лившица: это не только наложение разновременных точек зрения (1910-х и 1930-х гг.) и абберация памяти мемуариста. Лившиц, по оценке докладчика, большей частью сознательно сдвигал факты, выдвигал одних участников футуристического движения и принижал роль других, следуя потребности выстроить собственную версию истории русского авангарда и свою иерархию его творцов. Франческа Лаццарин (Падуа) в докладе «Неправдивость (псевдо)мемуарного текста как эстетическая программа. Еще раз о *Петербургских Зимах* Георгия Иванова» аргументировала тезис о том, что ложное изображение является конструктивным принципом книги, герои которой – не реальные люди, а своего рода произведения искусства, созданные будто бы с опорой на соответствующим образом модифицированное наставление И. Анненского «Первая задача поэта – выдумать себя».

Олег Лекманов (Москва) в докладе «Правдивое и не вполне в “Конце Ренаты” Ходасевича» усмотрел в различного рода отступлениях автора от реальных обстоятельств следование нескольким творческим заданиям. Среди них – стремление изобразить гибельную судьбу Нины Петровской как

крах символизма, воссоздать тщательно отобранными, колоритными чертами и полиреферентными цитатами символистский *modus vivendi* и, кроме того, скрытыми отсылками к Лермонтову подсветить эпоху символизма золотым веком русской литературы. В докладе «Дуэльные мемуары как исторический источник: Правда и вымысел» Сергей Доценко (Таллинн) обратил внимание на то, что известные воспоминания о дуэлях (например, В.И. Даля о поединках Пушкина), написаны, как правило, по сведениям, полученным из третьих рук. Докладчик вывел две закономерности: во-первых, чем более известен (благодаря известности участников) поединок, тем больше о нем мемуарных текстов, во-вторых, на мало осведомленной периферии мемуарного отклика на дуэли действует общая тенденция к превращению заурядного поединка в необычную, бретерскую дуэль.

Александр Данилевский (Таллинн) представил отражение в русской зарубежной печати одной экстравагантной женитьбы 1927 г. Речь шла о свадьбе 27-летнего Александра Зубкова и вдовствующей прусской принцессы Фредерики Амалии Вильгельмины Викторини цу Шаумберг-Липпе, которой было уже за шестьдесят, и о череде скандалов, вызванных самим браком и кутежами русского эмигранта без определенных занятий. «Зубковиану» с характерным сплавом факта и вымысла составили полтора десятка прозаических и стихотворных фельетонов, в основном, Дон-Аминадо (А.П. Шполянского), а также Лери (В.В. Клопотовского) и Lolo (Л.Г. Мунштейна), опубликованных в

парижских *Последних новостей* и *Иллюстрированной России*, а также рижской *Сегодня* в 1927–1930 гг.

Основанный на анализе рукописей и машинописных копий доклад Айтен Игнатовой (Москва) «Роман Ю. Олеши *Зависть* – к вопросу об основном варианте текста романа» поставил под сомнение текстологическую достоверность знакомого нам текста. Сходного вопроса касался и доклад Алексея Балакина (Санкт-Петербург) «Еще раз о статусе неавторизованных копий (новый источник текста статьи И.А. Гончарова о Крамском)». Михаил Макеев (Москва) в докладе «Пометы Н.А. Некрасова на последнем прижизненном собрании его стихотворений: К проблеме достоверности источника» предложил обоснованную методику классификации датировок (и их атрибутирования) в посмертном издании собрания сочинений Некрасова, часть которых принадлежит поэту. Частный, казалось бы, вопрос о датировке текста требует обстоятельного его комментирования, архивных

разысканий и биографических штудий. Это показал доклад Михаила Трунина (Таллинн) «“И Лонгинов веков грядущих / Пропустит, может быть, меня”»: Об основании датировки стихотворения А.Н. Апухтина “Дилетант”».

Сборник с материалами Первых Лотмановских дней, состоявшихся в 2009 г., увидел свет в 2011 г. Надо надеяться, что материалы Четвертых Лотмановских дней также будут изданы, и читатель сможет познакомиться с содержанием докладов на разнообразные, но связанные общей проблематикой (не)достоверности, темы. Такие, как: «По какому источнику Пушкин переводил Ариосто?» (Игорь Пильщиков), «Какого Брика мы читаем: Загадки “Ритма и синтаксиса”» (Марина Акимова), «“Удел филолога ужасен”: О “гимназических” источниках “Человека в футляре” А.П. Чехова» (Инна Булкина), «Мистификатор под маской анонима: газетные объявления Ф. Соллогуба» (Анастасия Сысоева) и многие другие.

Павел Лавринцев